

Понятие «неолит» и археология Восточной Азии

Резюме: В статье дается краткий обзор комплексов переходного периода от палеолита к неолиту, изученных в различных регионах Восточной Азии. Рассматриваются вопросы о соотношении аго- и агро-неолита и об их месте в рамках археологической периодизации.

Ключевые слова: Восточная Азия, переход от палеолита к неолиту, аго- и агро-неолит, древнейшая керамика.

Yanshina O. V. The concept of «Neolithic» and archaeology of East Asia. The article provides a brief overview of the transitional Paleolithic to Neolithic assemblages studied in different regions of East Asia. Special attention is given to the questions of the relationship between the non-agricultural and agricultural Neolithic and about their place in archaeological periodization.

Keywords: East Asia, Paleolithic to Neolithic transition, non-agricultural Neolithic, agricultural Neolithic, oldest pottery.

В последние годы среди археологов вновь всколыхнулась волна интереса к определению сущности эпохи неолита и критериев ее выделения. Не секрет, что немаловажную роль в этом сыграли находки на Дальнем Востоке России, в Китае и Японии целой серии комплексов мезолитического или верхнепалеолитического облика с керамикой. Открытия эти активно обсуждаются, однако в целом их влияние на понимание самой эпохи неолита еще не вполне осознано исследователями. Понятно лишь, что стало еще труднее безоговорочно использовать термины «неолит» и «мезолит» на практике, и еще более очевидной стала их условность.

История изучения неолитических памятников в странах Восточной Азии позволяет обозначить две основные проблемы, связанные с пониманием неолита. Первую можно сформулировать в виде вопросов, что такое неолит, и является ли производящее хозяйство обязательным критерием его выделения. Вторая проблема сформировалась по мере изучения финальноплейстоценовых комплексов с керамикой, здесь исследователей интересовало место таких памятников в археологической периодизации — мезолит, неолит, переходный период? Однако, разбираясь далее, нетрудно увидеть, что ключевым для разработки обеих обозначенных проблем является ответ на другой вопрос: есть ли основания для разведения агро- и агонеолитических (см. обоснование терминологии: Хлобыстин 1978)¹ комплексов в разные археологические и историко-

¹ Данная терминология используется мною исключительно для удобства описания, поскольку иные термины, отражающие специфику неолитического уклада в сообществах с присваивающим хозяйством, мне не известны.

культурные эпохи, или иначе, каково соотношение мезолита и агонеолита? Думается, сегодня это главный вопрос, вытекающий из последних исследований в области мезолито- и неолитоведения. Решение его лежит в плоскости сравнительно-исторических исследований мезолитических, агро- и агронеолитических сообществ. Чем точнее и объемнее будут сопоставления, тем больше шансов у нас будет понять, в чем же собственно состоит основное содержание неолита.

В настоящем сообщении я постараюсь ответить на этот вопрос, исходя из материалов Восточной Азии, которые с этой точки зрения представляются исключительно важными. И дело даже не в том, что в этом регионе ранее, чем где бы то ни было, появилась керамическая посуда. Существенно другое. Фактически параллельно здесь формировались обе формы неолитического уклада — и присваивающая, и производящая, что дает уникальную возможность проанализировать их соотношение, причем на начальном этапе их становления — самом важном в развитии любого явления. Но еще более ценно то, что здесь мы имеем возможность проследить становление агонеолита, который, с этой точки зрения, до сих пор остается практически не изученным.

Становление агонеолита связано в Восточной Азии с бассейном Японского моря и Южным Китаем. Эти два региона существенно отличались друг от друга как по природно-климатическим показателям, так и с точки зрения общего историко-культурного контекста. Если бассейн Японского моря в культурном отношении был тесно связан с южными районами Дальнего Востока России и через них с Манчжурией и Восточной Сибирью, то юг Китая, безусловно, тяготел к культурам Юго-Восточной Азии. В то же время культурный и популяционный обмен между этими регионами существовал, а связующим звеном между ними служила южная часть Японского архипелага. Каждый из этих двух регионов демонстрирует особый путь неолитизации. Один из них мы будем называть северным или дальневосточным, другой — южно-китайским или хоабиньским.

Бассейн Японского моря

Дальневосточный очаг неолитизации охватывает территории Японского архипелага, Сахалина, Нижнего Амура, Приморья и Кореи (рис. 1). Особенность его в том, что здесь ранее, чем где-либо в мире, сформировался неолитический комплекс, типичный для северной — не аграрной — полосы Евразии: наконечники стрел, копий, дротиков, бифасиальная обработка камня, шлифованные топоры и тесла, керамика, оседлый и полuosедлый образ жизни, крупные поселения, комплексное хозяйство, в разных вариациях сочетающее охоту, собирательство и эксплуатацию акваторических ресурсов. Основным интерес поэтому вызывает вопрос, есть ли какие-либо особые причины, вызвавшие ранее формирование в этом районе всего комплекса неолитических новаций.

В самом общем виде процесс перехода от палеолита к неолиту в этом регионе можно представить в виде трех последовательных этапов: 1) верхний палеолит (22,5–13,5 тыс. л. н.); 2) переходный период (13,5–9,5 тыс. л. н.); 3) развитый неолит (9,5–5 тыс. л. н.). Наибольший интерес в плане изучения процессов неолитизации представляет переходный этап, когда здесь на фоне

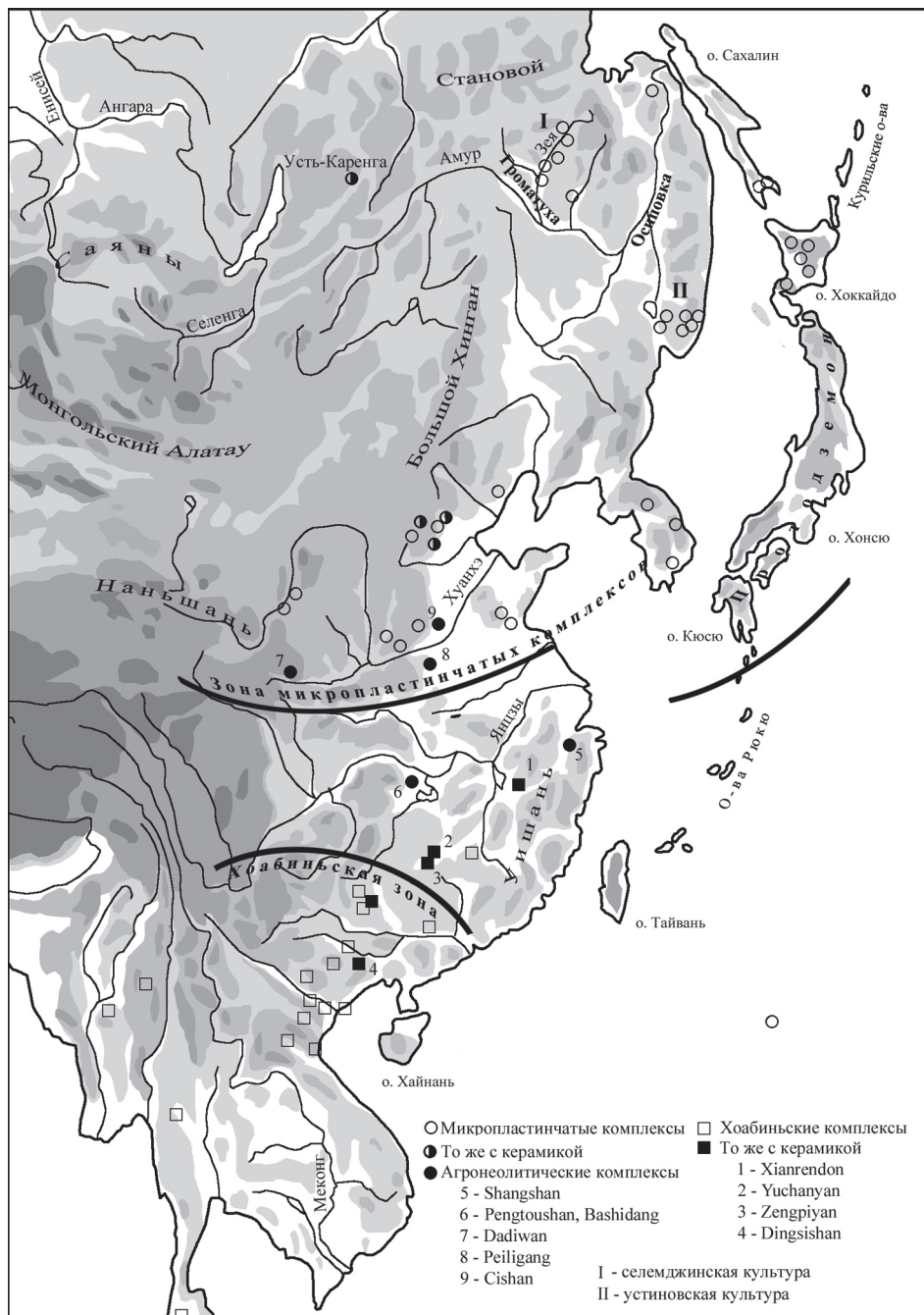

Рис. 1. Карта памятников, упоминаемых в тексте.

Fig. 1. Distribution of sites mentioned in the text.

глобального потепления появляются первые памятники с неолитическими новациями — керамикой, топорами, шлифовкой и стрелами. С точки зрения сочетания новых и старых элементов они делятся на два типа: неолитические и микропластинчатые с инновациями. Их периодизационное положение определяется в современной историографии либо рамками начального неолита (Медведев 1995; 2005; Шевкомуд, Яншина 2012), либо переходным периодом от палеолита к неолиту (Деревянко и др. 1996; 1998; Кононенко 1994; 1996; 2005; Гарковик 2005; Василевский 2008; Kajiwara 1998), ранее все они рассматривались как мезолитические (Окладников 1977; Васильевский, Гладышев 1989; Kidder 1993; Rowlye-Conwy 1984; Feng 2000).

Памятники с комплексами неолитического типа представлены материалами двух наиболее известных археологических культур финального плейстоцена — осиповской в Нижнем Приамурье (Медведев 1995; 2005; Яншина 2008; Табарев 2004; 2012; Шевкомуд, Яншина 2012) и протодземонской (Incipient Jomon) на Японских островах (Боднев 2001; Aikens, Higuchi 1992; Pearson 1986; Kenrick 1995; Mizoguchi 2002; Keally et al 2003; Habu 2004; Beginning...; Kaner 2009) (рис. 1). Обе культуры являются фактически вариантами друг друга. Близка к ним и громатухинская культура Среднего Амура (Окладников, Деревянко 1977), но ввиду слабости ее источниковой базы характер ее комплекса пока до конца не понятен. Что же отличает эти культуры?

Здесь важно отметить не столько присутствие в их комплексах отдельных неолитических новаций (наконечников стрел и топоров, новых техник обработки камня, керамической посуды), сколько то, что все они представлены уже в наборе, который к тому же фиксируется почти на каждом памятнике. Кроме того, здесь имеются уже целые серии устоявшихся морфологических типов новых категорий изделий — наконечников, топоров и скребков. По сути, перед нами не формирующаяся традиция, а уже сформировавшаяся.

Обе культуры демонстрируют одинаковую направленность и в смене топографии стоянок по сравнению с палеолитическими памятниками. Они смещаются к кромке озер и рек. Плотность стоянок в наиболее удобных местах очень высокая, особенно на поздних этапах их развития. Хозяйство достоверно не реконструируется ввиду почти полного отсутствия экофактов, но, судя по расположению памятников и отдельным находкам (Табарев 2004; Яншина 2008; Ikawa-Smith 2005), можно думать, что ресурсная база в это время расширяется за счет использования водоемов. Большую роль играло также собирательство растений, особенно на юге Японии (Junko 2004). Здесь же найдены наиболее ранние экземпляры зернотерок и ямы для хранения желудей. В обеих культурах впервые появляются структуры и предметы неутилитарного назначения, отражающие усложнение сферы идеологических представлений (Табарев 2004; 2012; Шевкомуд, Яншина 2012). На последнее может указывать и наличие на посуде сложных орнаментов.

Механизм формирования неолитических комплексов и их связь с предшествующими памятниками остаются пока неясными, и это один из наиболее занимательных сюжетов в историографии. Уже самые ранние комплексы этого типа (Одай-Ямамото, Чочжакубо, Микосиба, Хумми) демонстрируют сложившийся набор орудий и техник, принципиально отличающийся от тех, что характеризуют микропластинчатые индустрии, — крупные пластины и пластинчатые

отщепы в качестве заготовок, крупные бифасиально обработанные наконечники стрел и топоры, шлифовка лезвий у топоров, отсутствие микропластин или тенденция к их исчезновению (рис. 2). Не случайно в японской историографии долгие годы комплексы этого типа считались привнесенными (см., напр.: Mizoguchi 2002), и только в последние годы наметилась тенденция к пересмотру этой точки зрения. Остается до сих пор загадкой и происхождение осиповской культуры (Шевкомуд, Яншина 2012). Интересно также отметить, что первые памятники нового типа появляются за пределами ареалов, являвшихся своего рода центрами обитания человека в верхнем палеолите, правда, на Дальнем Востоке России эта тенденция выражена более ярко (рис. 1).

Здесь следует подчеркнуть одно важное отличие протодземона от осиповки. Осиповские памятники почти все идентичны друг другу с точки зрения набора инвентаря, какая-либо ощутимая динамика, отражающая их эволюцию от раннего этапа к более позднему, если и прослеживается, то проявляется она преимущественно в количественных показателях. Например, в предположительно более ранних стоянках Хумми и Гася количество орудий новых категорий меньше, чем в более поздних памятниках, менее разнообразна и устойчива их морфология. Микропластинчатое же расщепление, отражающее связь осиповского комплекса с верхнепалеолитическими традициями южно-дальневосточного региона, представлено во всех памятниках очень ограниченно и уже явно в редуцированном виде, то же можно сказать и о технике резцового скола (Шевкомуд, Яншина 2012: 204–207). Кроме того, существенной особенностью осиповской культуры можно считать то, что она существует сама по себе, не обнаруживая никакой тенденции к диффузии.

Японские памятники, напротив, чрезвычайно многообразны. Среди них микропластинчатые комплексы с керамикой и без нее, бифасиальные комплексы (уже типично неолитические с точки зрения набора инвентаря) с керамикой и без нее, комплексы с переходным обликом, сочетающие пластинчатые и бифасиальные компоненты. К тому же некоторые из них сохраняют типичную для палеолита топографию, а некоторые связаны уже с теми местами, где впоследствии размещались неолитические стоянки. Во всем этом многообразии выстраивается только одна логика. Сначала среди безбрежного царствия микропластин на севере Хонсю возникает принципиально новая культура, а затем очень быстро в орбиту ее влияния начинают втягиваться все новые и новые территории, в том числе и те, что выступали основными ареалами обитания носителей микропластинчатых индустрий. В стороне от этих трансформаций остаются только Хоккайдо и Сахалин, сохраняя верность своим традициям.

Микропластинчатые комплексы с инновациями связаны с Приморьем, Хоккайдо и Сахалином (рис. 3). Особенность этих регионов в том, что на протяжении всего переходного этапа здесь продолжают сохраняться культуры верхнепалеолитического облика, однако они также переживают в это время подъем, что выражается в резком росте числа памятников и бурном развитии собственно микропластинчатых технологий (Васильевский, Гладышев 1989; Гарковик, Кононенко 1990; Кузнецов 1992; Кононенко 1994; 2005; Васильевский и др. 1997; Деревянко и др. 1998; Дьяков 2000; Охотники-собиратели...; Табарев 2004; Деревянко 2005; Васильевский 2008; Mizoguchi 2002; Sato, Tsutsumi 2006; Sano 2006). Кроме того, в комплексах здесь появляются и отдельные новации,

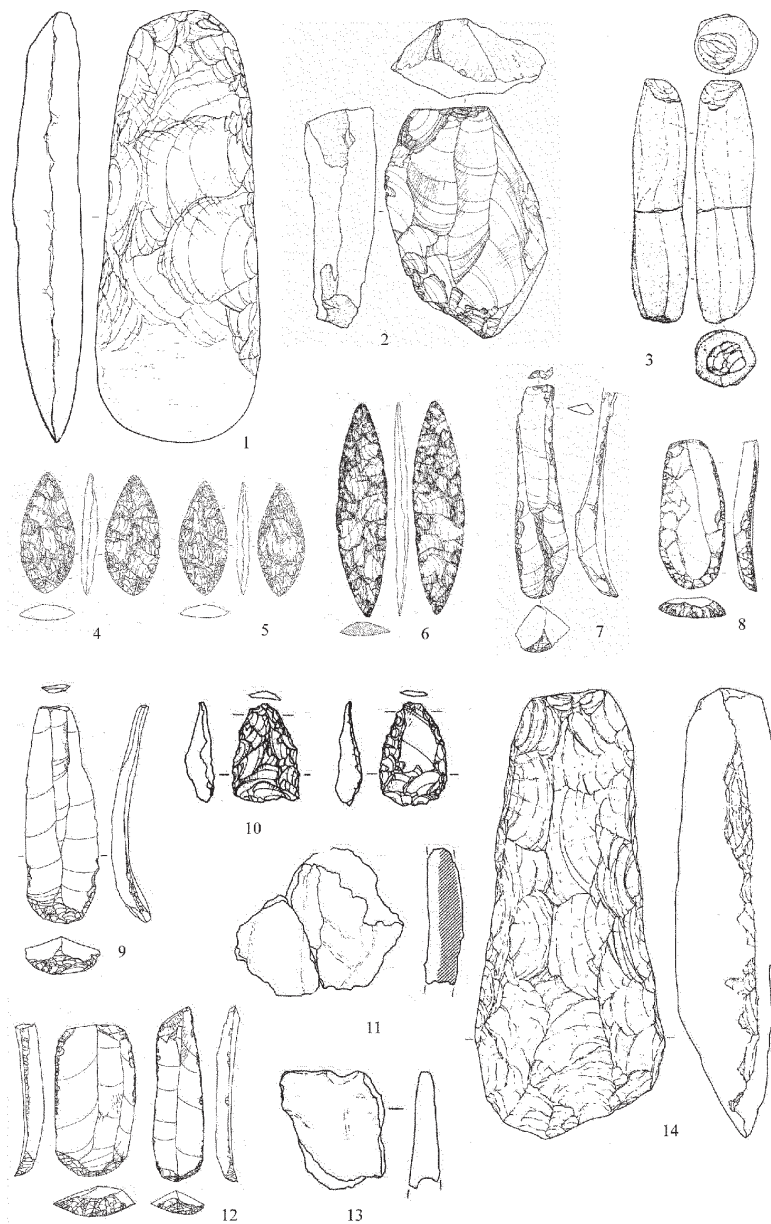

Рис. 2. Типичный инвентарь ранних протодзёмонских памятников Микосиба (1–8) (по: Mikoshiba...) и Одай-Ямамото (9–14) (по: Odai Yamamoto 1...). 1, 14 — рубящие орудия (1 — с пришлифовкой); 2 — нуклеус; 3 — абразив; 4–6, 10 — наконечники стрел; 7–8, 9–12 — концевые скребки; 11–13 — керамика. Без масштаба.

Fig. 2. Inventory typical of the Early Proto-Jomon sites of Mikoshiba (1–8) (after: Mikoshiba...) and Odai Yamamoto (9–14) (after: Odai Yamamoto 1...). 1, 14 — tools for chopping (1 — ground); 2 — core; 3 — abrasive; 4–6, 10 — arrowheads, 7–8, 9–12 — end-scrapers; 11–13 — ceramics. Not to scale.

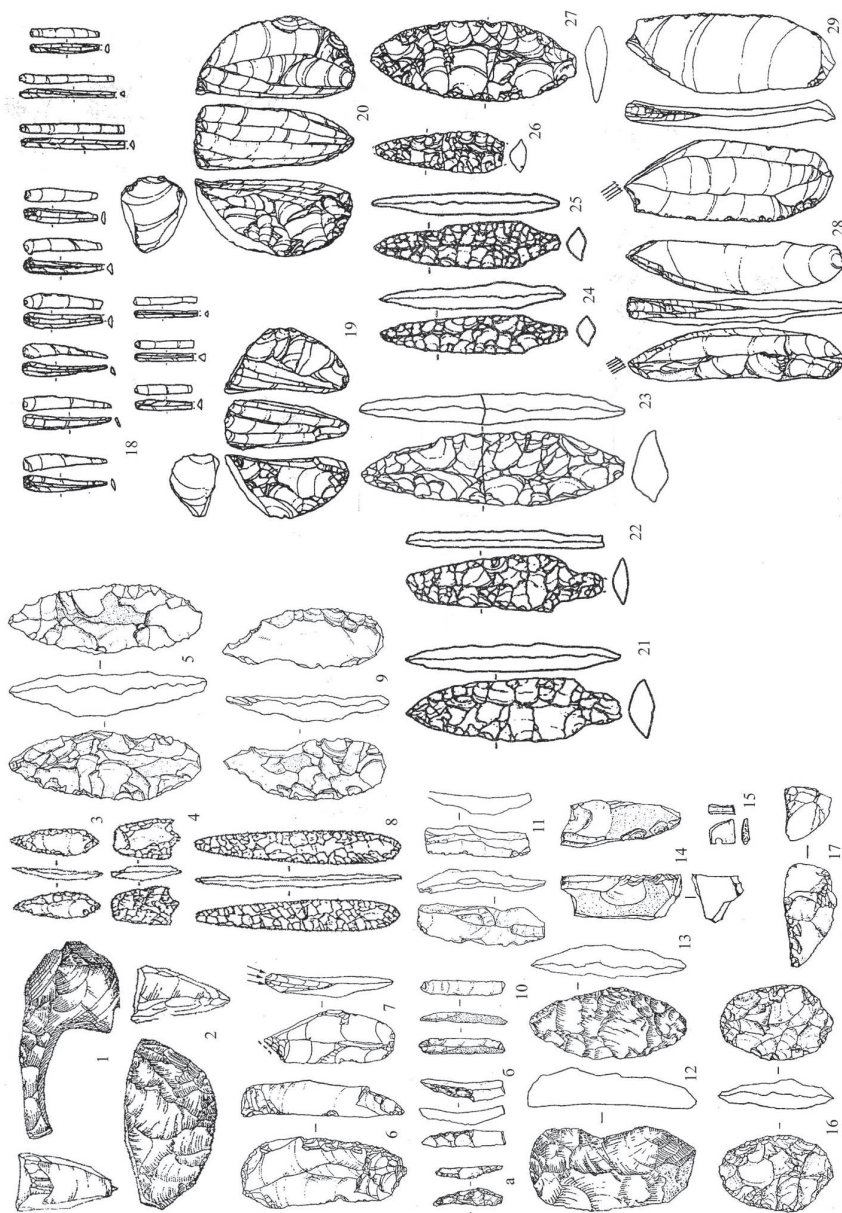

Рис. 3. Типичный инвентарь микропластинчатых комплексов рубежа плейстоцена и голоцена. Устиновка-6 (1–17) (по: Охотники-собиратели...); и Пирика-1 (18–29) (по: Васильевский и др. 1997). 1–2, 19–20 — нуклеусы; 3–4, 8, 21–27 — наконечники стрел; 5, 9, 13, 16 — бифасы; 6, 12 — концевые скребки; 7, 28–29 — резцы; 10 (а, б — краевые сколы); 11 — пластинки; 14, 17 — заготовки микроуклеусов; 15 — подвеска из камня; 18 — микропластины. Без масштаба.

Fig. 3. Inventory typical of the microblade assemblages dating from the turn of the Pleistocene and Holocene. Ustinovka-6 (1–17) (after: Охотники-собиратели...); and Pirika-1 (18–29) (after: Васильевский и др. 1997). 1–2, 19–20 — cores; 3–4, 8, 21–27 — arrowheads; 5, 9, 13, 16 — bifacial tools; 6, 12 — end-scrapers; 7, 28–29 — burins; 10 (a, b — edge flakes); 11 — bladelets; 14, 17 — micro-core preforms; 15 — stone pendant; 18 — microblades. Not to scale.

которые можно рассматривать как неолитические (см. обзор: Яншина 2008). Среди них необходимо отметить появление рубящих орудий с шлифовкой и тонко ретушированных листовидных бифасов, служивших либо заготовками для нуклеусов, либо уже в качестве наконечников стрел. В качестве новаций в комплексах данного типа отмечается также появление зооморфной пластики — каменных фигурок рыб, медведей и иных зверей. Подобные находки, конечно, представлены далеко не во всех памятниках, но намечается общая тенденция к увеличению их числа к концу переходной эпохи. Определить точно хронологию момента, когда эти новации начинают широко распространяться в данных регионах, пока сложно из-за неразработанности радиоуглеродной хронологии.

Важно подчеркнуть, что перечисленные памятники были оставлены населением, которое жило бок о бок с носителями осиповской и протодземонской культур, но при этом сохраняло свой традиционный образ жизни. И в плане понимания механизмов неолитизации вопрос о причинах консервации верхнепалеолитических традиций в рассматриваемых регионах представляет большой интерес. На Хоккайдо это могло быть вызвано высоким уровнем специализации местного населения на микропластинчатых индустриях, который был достигнут благодаря длительному опыту развития последних и высокому качеству местного сырья, которое к тому же было востребовано далеко за пределами острова (Василевский 2008; Sato, Tsutsumi 2006). Последнее обстоятельство в свою очередь могло придавать людям, живущим в непосредственной близости от выходов этого сырья, особый статус, важный с точки зрения формирования их группой идентичности. Но Сахалин и Приморье «выпадают» из этого объяснения. Здесь микропластинчатый компонент никогда не доминировал в комплексах. В сырьевом и, вероятно, культурном отношении Сахалин в то время был тесно связан с Хоккайдо, представляя, по сути, его окраину (Василевский 2003; 2005), в Приморье же вообще не было качественного сырья, пригодного для бурного развития микропластинчатого расщепления (Табарев 1990; Крупянко 1996; Охотники-собиратели...: 149–153; Василевский 2008).

Хозяйственная ориентация могла сыграть свою роль, но данных об этом очень мало. Микропластинчатые индустрии по общему признанию наиболее эффективны в условиях высокой мобильности населения, считается, что их создатели были, прежде всего, охотниками. Охота, по-видимому, действительно сохраняла свое особое значение в хозяйстве носителей поздних микропластинчатых комплексов, на что указывает набор орудий и данные трасологии (Васильевский и др. 1997: 46; Охотники-собиратели...), но при этом развивались и новые отрасли — собирательство растений и рыболовство (Кононенко 2000; Табарев 2004; Икава-Смит 2005; Яншина 2008; Beginning...). Последнее обстоятельство наиболее интересно, так как Сахалин, Хоккайдо и Приморье представляют собой регионы, наиболее благоприятные во всей дальневосточной зоне для освоения лососевого феномена и морского зверобойного промысла. Не случайно именно на Хоккайдо был найден самый ранний наконечник гарпуна, а в диете населения острова уже на следующем этапе развития доля продуктов рыболовства и морской охоты составляла не менее 50 % потребностей организма (см. Васильевский и др. 1997: 55). Но для становления этих отраслей хозяйства микропластинчатые технологии не давали какого-либо

преимущества, напротив, считается, что такие преимущества могли обеспечить только цельносоставные орудия типа бифасиальных наконечников стрел.

Единственное, что может объяснить длительную консервацию микропластинчатых традиций и кажется логичным на фоне всех этих рассуждений, это предположение о существовании своего рода культурной изоляции носителей микропластинчатых комплексов от соседних культур раннеолитического облика. Если это действительно так, то Сахалин, Хоккайдо и Приморье представляли собой в те времена единую культурную провинцию. С другой стороны, мы знаем, что длительное время, и даже еще более длительное, чем на севере Японского моря — вплоть до середины голоцена, микропластинчатые комплексы сохранялись и в других регионах. Данная тенденция отмечается на севере Китая и в Забайкалье (Константинов 1994; Lie Dan Lu 1998; Chen Shen 2006). И здесь, как и в Сахалино-Приморско-Хоккайдском треугольнике, в составе этих комплексов еще с конца плейстоцена появляются отдельные неолитические новации, мало меняющие облик культуры в целом. В числе таких новаций, прежде всего, должна быть отмечена керамика и зернотерки (*grinding slab*) (Китай) (Ветров 1981; 2010; Cohen 2003; 2011).

Своеобразие микропластинчатых комплексов с отдельными неолитическими новациями, рельефно проступающее при сравнении их с комплексами бифасиальными, нашло отражение и в терминологии, которой пользуются исследователи при их периодизационном определении. Наиболее отчетливо эта разница заметна в трудах российских ученых. Те из них, что непосредственно занимаются памятниками осиповской культуры, отстаивают их начально-неолитическую атрибуцию (Медведев 2005; Шевкомуд, Яншина 2010; 2012), а те, кто изучает микропластинчатые комплексы селемджинской и устиновской культур, а также сахалинских памятников, отстаивают концепцию переходного периода (Деревянко и др. 1998; Охотники-собиратели...; Василевский 2008). Японские исследователи долгое время воздерживались от какой-то однозначной атрибуции поздних микропластинчатых комплексов Хоккайдо, осознавая их специфику по сравнению с протодземонскими памятниками, однако после обнаружения керамики на стоянке Тайсо-3 с позднеплейстоценовыми радиоуглеродными датами термин *Incipient Jomon* стал использоваться и по отношению к памятникам Хоккайдо (*Beginning...*).

Завершение переходной эпохи знаменуется формированием в бассейне Японского моря классических неолитических комплексов: дземонской культуры на островах Японского архипелага, руднинской и кондонской — в Приморье и Приамурье, бойсманской — на юге Приморья и южно-сахалинской — на Сахалине. Ранее в историографии все они рассматривались как раннеолитические. Сейчас наметилась тенденция определять их как комплексы развитого этапа неолита (Попов 2006; Василевский 2008; Шевкомуд 2009). Новые памятники демонстрируют инвентарь, типичный для неолита: шлифованные топоры и стрелы, бифасиальная ретушь, наконечники стрел, дротиков, копий, скребки, ножи, калибраторы, абразивы, керамическая посуда, мелкая пластика и украшения (рис. 4). Хозяйство комплексное, сочетающее охоту, собирательство, морское и речное рыболовство. Образ жизни оседлый или частично оседлый: поселения, жилища, погребения, ритуальные объекты и структуры.

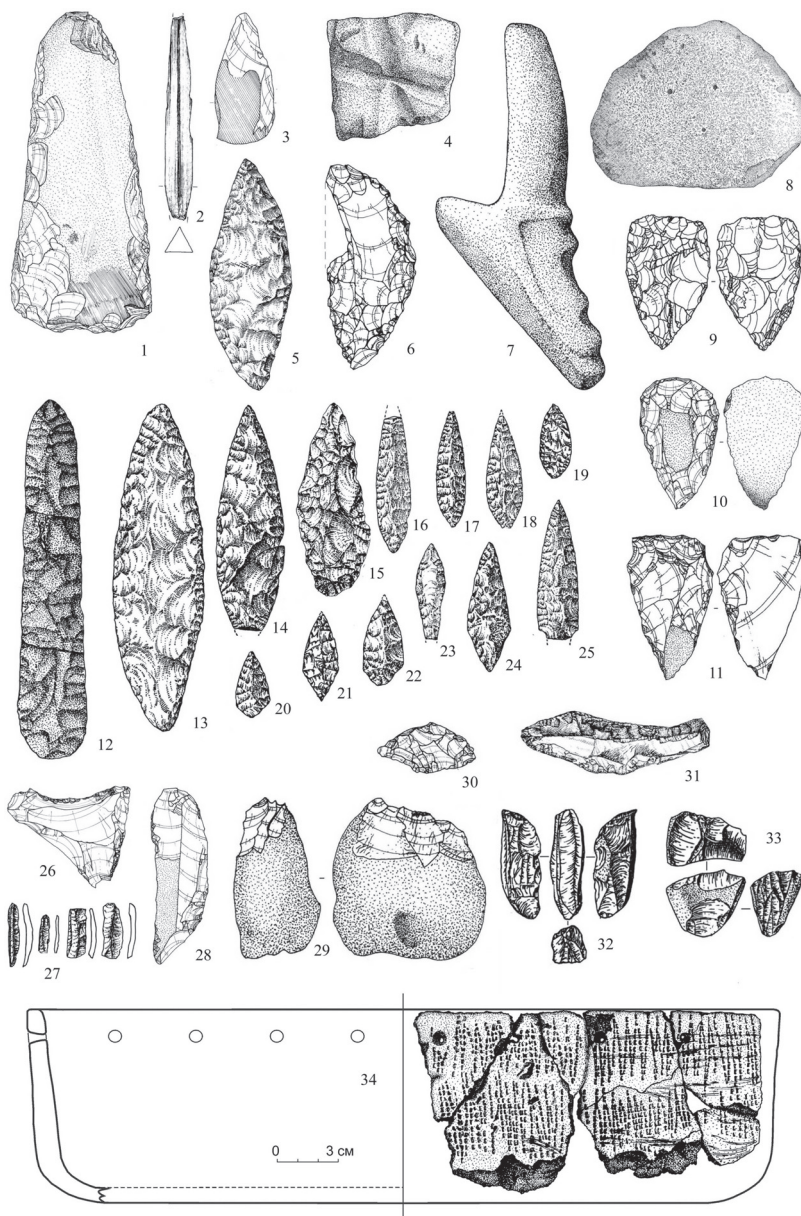

Рис. 4. Типичный инвентарь поздних осиповских памятников. Гончарка-1, горизонт 3Б (по Шевкомуд, Яншина 2012). 1–3 — изделия с пришлифовкой; 4 — абразив; 5–6 — ножевидные изделия на бифасах; 7–8 — антропоморфные изображения (пикетаж); 9–11 — скребки; 12–25 — наконечники стрел; 26, 28 — отщепы с ретушью; 27 — микропластинки; 29, 32, 33 — нуклеусы; 30–31 — зооморфная пластика; 34 — керамика. Без масштаба.

Fig. 4. Inventory typical of the late Osipovo sites. Goncharka-1, horizon 3B (after Шевкомуд, Яншина 2012). 1–3 — ground tools; 4 — abrasive; 5–6 — knife-like bifacial tools; 7–8 — anthropomorphic images (picketage); 9–11 — end-scrapers; 12–25 — arrowheads; 26, 28 — retouched flakes; 27 — microblades; 29, 32, 33 — cores; 30–31 — zoomorphic figurines; 34 — ceramics. Not to scale.

Анализ этих памятников выходит за рамки данного сообщения, но хотелось бы обратить внимание на одно обстоятельство. В Приамурье, Приморье, на Сахалине, а также на севере Китая в начале этого этапа наблюдается резкое сокращение числа археологических памятников, которое может свидетельствовать о каких-то катастрофических событиях (Шевкомуд, Яншина 2012). Примерно 9500 ¹⁴C л. н. в бассейне Амура исчезает осиповская культура, а в Приморье — устиновская, в интервале 8100–7500 ¹⁴C л. н. на их месте возникают уже новые неолитические памятники, то же происходит и на Сахалине. На Хоккайдо радиоуглеродные даты позднейших микропластинчатых комплексов и наиболее ранние даты дземонских памятников практически совпадают, а на Хонсю и других островах Японского архипелага протодземонская культура плавно перерастает в культуру дземон.

Южный Китай

Южно-китайская зона охватывает территорию юго-западного Китая, хотя строго говоря, она может быть расширена за счет части регионов Индокитайского полуострова до зоны распространения хоабиньского культурного комплекса². Особенность процессов неолитизации в этом ареале заключается в том, что здесь в силу специфики природно-климатической и ландшафтной обстановки очень рано формируется тот образ жизни, который в районах с присваивающими отраслями хозяйства традиционно связывают с неолитом (частичная оседлость, рыболовство, собирательство), при этом инвентарный комплекс сохраняет за редкими исключениями в виде керамической посуды палеолитический облик. Кроме того, уже ближе к середине голоцена здесь фиксируется вторая волна неолитизации, когда за счет контактов с уже сложившимися земледельческими сообществами в комплексах появляются типичные неолитические орудия (стрелы, шлифованные топоры и др.), а также распространяется практика организации постоянных поселений, а еще позже — уже в самом конце голоцена — и само земледелие.

Памятники, о которых пойдет речь в данном разделе, расположены в основном в бассейне р. Жемчужной (рис. 1). Известны они еще с 1930-х гг. Материалы их по многим признакам близки к хоабиньским (Борисковский 1966; 1988; Solheim 1970; Ha Van Tan 1997; Zhang Feng 2000; Zhang Chi 2002; Zengpiyan... 2003). Первоначально их называли мезолитическими, но в последнее время от этого определения китайские ученые стали отказываться ввиду отсутствия в их комплексах микролитов, стрел и эпизодического присутствия керамики. В настоящее время предложены поэтапные схемы эволюции культуры для отдельных ее памятников в интервале 20–7 тыс. л. н., но, к сожалению, общая для всего региона схема прослеживается пока с трудом (табл. 1).

² В литературе обсуждается вопрос о мере соответствия южно-китайских памятников хоабиньскому культурному комплексу, учитывая имеющиеся отличия, их часто называют хоабиньскими (Борисковский 1988; Solheim 1970: 155; Cheng Te-Kun 1959: 47–51; Zhang Chi 2002; Ha Van Tan 1997: 37; Zengpiyan...: 699–701), однако в рамках данного сообщения опять же в целях простоты описания этими различиями можно пренебречь: здесь важно, что они демонстрируют единую модель развития на этапе перехода от палеолита к неолиту; там, где ситуация будет различаться, будут даны пояснения.

Таблица 1

Переход от палеолита к неолиту на юге Китая и в бассейне р. Янцзы

	Жемчужная					Янцзы	
	Bailiandong E7-8; W4; W5-7	Dayan_1	Dayan_2	Dayan_3	Dayan_4		
Палеолит > 15 000	Оббитые орудия Кости животных Шлиф. камень — 1 Улитки	Bailiandong E6; E3-4	Dayan_2			Оббитые орудия Кости животных Ракушки Ножи из раковин Шлиф. кость Керамика	Yuchanyuan Xiangtong Diaotonghuan
Транзит / Ранний неолит 15 000-8000	Оббитые орудия Кости животных Улитки Шлифованная кость Шлиф. камень ед. Молоты с отвер- стием Просверленные украшения Керамика ед. Ножи из раковин Погребения без инвентаря		Dayan_3	Zengriyan_1			
				Zengriyan_2	Dingsishan_1 Раковинная куча		
Развитый неолит 8000-7000	Неолитический технокомплекс Много керамики Гончарный круг Ножи из раковин Оббитые орудия Никаких следов земледелия			Zengriyan_3		Поселение, дома, рвы Оббитые орудия Молоты с отверстием Зернотерки Шлиф. топоры — ед. Много керамики Рис — в отошители	Shangshan 10 000-9000
		Bailiandong E1	Dayan_5	Zengriyan_4	Dingsishan_2-3	Поселения, рвы, дома Погребения с инвентарем Рис Неолитический техноком- плекс Много керамики	Peng- toushan_2-4 Bashidang 9000-8000
				Zengriyan_5			Zaoshi

Большинство памятников — пещерные стоянки, расположенные на нижних склонах гор Наньлина неподалеку от рек. Галечные орудия с минимальной обработкой, восходящие к более ранним палеолитическим традициям обработки камня Юго-Восточной Азии, составляли здесь основу инструментария (рис. 5). Население вело во многом оседлый или полuosедлый образ жизни. Собираательство, рыболовство и в меньшей степени охота лежали в основе жизнеобеспечения, при этом особую роль играло собираательство растений и моллюсков. Отражением данной специализации можно считать постоянное присутствие в комплексах орудий из раковин (в основном ножей), а также тяжелых каменных колец, вероятно использовавшихся в качестве ударного орудия во время добычи пищи, а также раковинных куч прямо в пещерах. Найдены в этих памятниках и погребения, правда, безинвентарные. Практически в неизменном виде эта культура доживает до 7000 л. н., а затем на смену ей приходят стоянки уже совершенно иного типа, неолитические по набору инвентаря, топографии и характеру поселений, обитатели которых, правда, по-прежнему сохраняли присваивающую ориентацию хозяйства (см. рис. 5: 24–34).

Особенностью данной культуры можно считать наличие в ее материалах наряду с типичными палеолитическими чертами ряда новаций, традиционно сопоставляемых археологами с неолитом. Правда, они почти не бывают представлены все вместе в одном комплексе, как правило, в одних памятниках встречаются одни, а в других другие (Wu, Zhao 2003), что и затрудняет их однозначную стадиальную атрибуцию.

Так, в рассматриваемых комплексах отмечается очень раннее появление технологии шлифования (Zhao et al 2004). Она представлена либо редкими каменными изделиями с пришлифованными режущими лезвиями, либо, более часто, шлифованными костяными (или ракушечными) орудиями. В этих же памятниках появляется в Китае и первая керамическая посуда, по-видимому, самая ранняя в мире (Zhao, Wu 2000; Zhang Chi 2002; Zengpiyan... 2003; Boaretto et al 2009; Lu 2011; Wu et al 2012). Находят ее очень мало — по несколько черепков, в Ючаньяне найдено два сосуда, наиболее многочисленной является коллекция керамики из Сянрендона, что довольно плохо соотносится с теми очень ранними ¹⁴C датами, которые были получены в ходе его последних исследований. Как известно, по материалам японских комплексов была выявлена четкая закономерность, показывающая увеличение количества керамики по мере уменьшения возраста памятников (Keally et al 2003), которая в целом подтверждается и амурскими источниками (Шевкомуд, Яншина 2012). Любопытно также, что эволюция керамики, как и каменной индустрии и культуры в целом, в пределах данного региона шла очень медленными темпами, что было прекрасно показано в ходе полевых исследований пещеры Зенпиньян: с 12 000 до 8000 л. н. она почти не менялась стилистически и технологически, сохраняя при этом небольшие размеры, простые формы и только технический дизайн (рис. 5: 12–23) (Zengpiyan... 2003).

Единый подход к стадиальной атрибуции хоабиньских памятников пока не сложился. В Китае наиболее ранние из них определяются как переходные от палеолита к неолиту (их также могут обозначать как финальнопалеолитические или мезолитические), а наиболее поздние — как ранне-неолитические (Chao-hong 1998; Feng 2000; Zengpiyan... 2003; Chi, Hung 2008). Рубеж между двумя

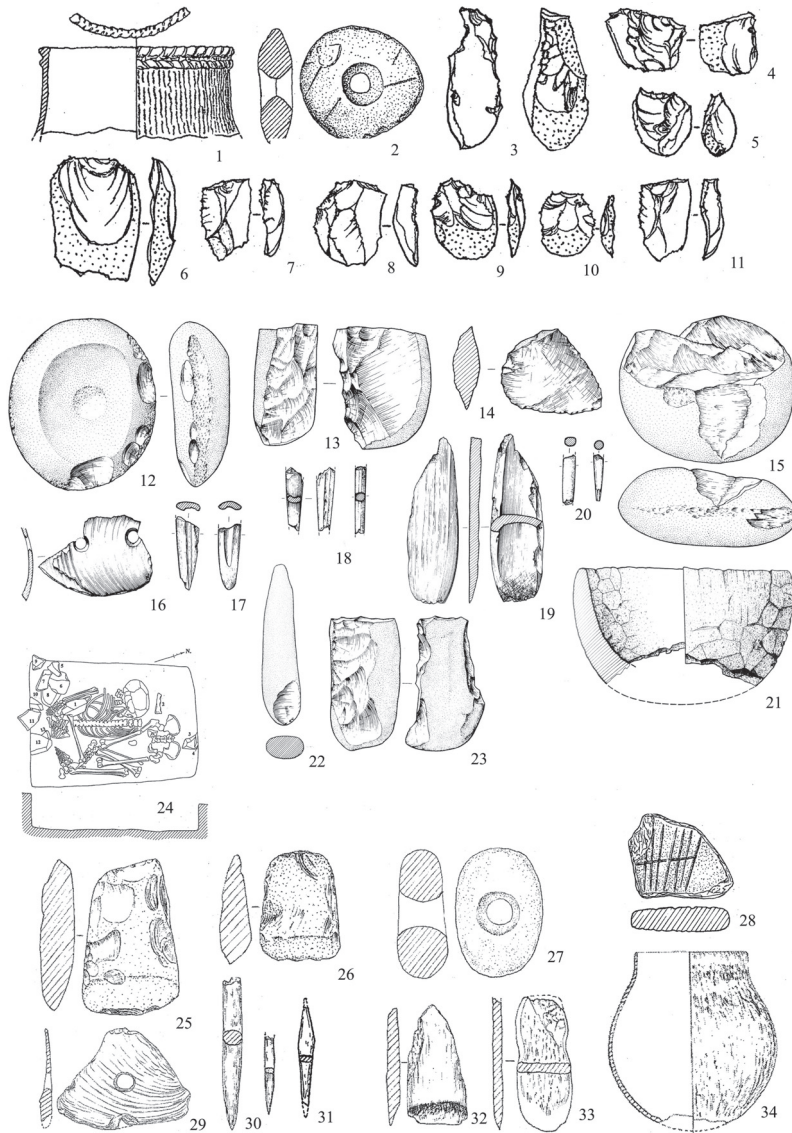

Рис. 5. Типичный инвентарь хоабиноидных памятников Южного Китая. Dingsishan, фаза 1 (1–11), фаза 2–3 (24–34) (по: Fu Xianqiu 2012) и Zengpiyan, фазы 1–4 (12–23) (по: Zengpiyan...). 1, 21, 34 — керамика; 2, 27 — перфорированные камни; 3–5 — нуклеусы; 6–15, 22–23 — орудия на оббитых гальках и галечных отщепах; 16, 29 — ножи из раковин; 18–20, 30–33 — изделия из кости (31 — наконечник стрелы, 32 — топор; 33 — лопата); 24 — погребение с камнями; 25–26 — топоры каменные с пришлифовкой; 28 — абразив. Без масштаба.

Fig. 5. Inventory typical of the Hoabinoid sites from South China. Dingsishan, phase 1 (1–11), phase 2–3 (24–34) (after: Fu Xianqiu 2012), and Zengpiyan, phases 1–4 (12–23) (after: Zengpiyan...). 1, 21, 34 — ceramics; 2, 27 — perforated stones; 3–5 — cores; 6–15, 22–23 — tools on flaked pebbles and on flakes detached from pebbles; 16, 29 — knives made of shells; 18–20, 30–33 — bone articles (31 — arrowhead, 32 — axe; 33 — shovel); 24 — burial with stones; 25–26 — ground axes; 28 — abrasive. Not to scale.

этими этапами маркирует появление керамики, но она, во-первых, представлена не везде, а во-вторых, точная дата этого момента варьирует от комплекса к комплексу, к тому же недавние исследования в пещере Сянрендон удреверяют его вплоть до 20 000 л. н. (Barretto 2009). Во Вьетнаме применительно к классическим хоабиньским комплексам раннеолитическими считают памятники, прежде всего, содержащие топоры с пришлифованными лезвиями (Борисковский 1966; 1988; Matthews 1966).

Аго- и агронеолит

Центром формирования земледельческих культур на востоке Азии стали центральные районы Китая. Наиболее ранние из них появляются уже 9–8 тыс. л. н., в долине Хуанхэ это культуры Peiligang, Cishan, Dadiwan, основанные на эксплуатации проса, в долине Янцзы это культуры Pengtoushan и Bashidang, осваивавшие рис. В литературе долгие годы ведется обсуждение вопроса о лидерстве того или иного региона в процессе становления производящего хозяйства, и распадается он на несколько составляющих: где ранее совершился процесс доместикиции растений и как это связано с формированием того образа жизни, который обычно ассоциируется с производящим хозяйством (крупные поселения, оседлый образ жизни, погребальные комплексы, развитое керамическое производство, сложные идеологические представления и т. п.). Исследования последних лет показывают, что в Китае складывание последнего существенно опережало процесс доместикиции (морфологических изменений) (Cohen 2011). Кроме того, все больше и больше данных накапливается в пользу того, что переход к производящим формам хозяйства все-таки более быстрыми темпами шел именно на севере Китая в зоне распространения микропластинчатых и микролитических в целом комплексов. На это указывает целый ряд факторов: более холодные и бедные с точки зрения ресурсов условия, явно более раннее одомашнивание свиньи, более частое присутствие зернотерок в переходных памятниках, раньше здесь начинается и диффузия агрокомплекса за пределы центральной равнины (Yasuda 2002; Fuller et al 2007; Yuan et al 2008; Cohen 2011; Zhao Zhujun 2011).

Для решения задач, стоящих перед нами в рамках данного сообщения, важно проследить соотношение аго- и агронеолитических комплексов в процессе их становления. К сожалению, эта задача почти невыполнимая сегодня по причине отсутствия памятников, отражающих формирование агронеолитического комплекса. С одной стороны, имеются стоянки финальноплейстоценового возраста с палеолитическим обликом культуры, с другой стороны, — уже сформировавшиеся земледельческие культуры, а между ними hiatus в одно-два тысячелетия (Xingcan Chen 1998; Cohen 2003; 2011; Bettinger et al 2007). Особенно актуально это для районов северного Китая, которые в свете исследований последних лет наиболее интересны с точки зрения стоящей перед нами задачи.

В настоящий момент можно признать очевидным, что складывание новой формы жизнеобеспечения на севере Китая было связано с комплексами, которые выше мы охарактеризовали бы как микропластинчатые с инновациями. Пока таких памятников известно очень немного, расположены они компактной группой на склонах хребта Тайханшань, ограничивающего с северо-запада

восточную окраину лессового плато в низовьях Хуанхэ, т. е. вдали от ареалов первых земледельческих культур долины Хуанхэ, и все они имеют датировки, соотносящиеся с финальными датами осиповской и протодземонской культур: Donghulin (11–9 cal BP), Yujiagou (11,6–11,1 cal BP); Zhuannian (11,3–10,3 cal BP); Nanzhuangtou (12,5–9 cal BP) (The Origin...; Cohen 2011). В комплексах всех этих памятников представлены немногочисленные обломки керамической посуды, верхнепалеолитическая по облику каменная индустрия, а также единичные находки зернотерок и топоров с шлифовкой (Nanzhuangtou, Zhuannian), в материалах стоянки Donghulin найдено погребение, сопровождавшееся каменным топором и пробитой ракушкой. Наиболее продвинутой в сторону неолита считается стоянка Nanzhuangtou, расположенная на берегу озера здесь найдены мусорные ямы, заполненные кухонными отходами, наиболее ранние остатки domesticiрованной свиньи, но никаких признаков проса, и нет микропластин.

Что касается хоабинских памятников, то и они, в целом, демонстрируют ту же ситуацию: палеолитические по облику индустрии, изредка сочетающиеся с керамикой или шлифованным камнем, расположены далеко за пределами долины Янцзы, в бассейне соседней реки. Единственное исключение — ранний переход к частичной оседлости, вызванный эксплуатацией растений и ресурсов пресноводных водоемов, но постепенная трансформация культурного комплекса в сторону земледельческого по материалам южно-китайских памятников не просматривается. Более того, они продолжают существовать, сохраняя основные особенности своей культуры, уже после того, как в бассейне Янцзы появляются упомянутые агрокультуры (табл. 1).

Серьезные изменения здесь происходят только на рубеже раннего и среднего голоцена, причем, по-видимому, уже под влиянием более развитых культур бассейна р. Янцзы. Во-первых, в это время увеличивается число так называемых открытых стоянок, расположенных в излучинах небольших рек или в местах их слияния и представляющих собой раковинные кучи. Во-вторых, сокращается количество галечных орудий, им на смену приходят шлифованные каменные топоры и тесла. В-третьих, исчезают орудия из раковин. В-четвертых, существенные изменения происходят в керамике. Количество керамической посуды резко увеличивается, расширяется ее морфологическое разнообразие, появляется тонкая белая керамика, начинает использоваться гончарный круг, более разнообразным и сложным становится и декор. И, наконец, в-пятых, умерших начинают хоронить в сопровождении погребального инвентаря. К концу периода этих трансформаций люди окончательно покидают пещеры, завершая, таким образом, длительный этап развития местных культур, восходящий еще к эпохе палеолита (Zengriyan... 2003).

Анализируя имеющиеся источники, мы скорее можем увидеть влияние земледельческих культур долины р. Янцзы на южные районы Китая, нежели обратный их вектор. Единственным исключением, пожалуй, можно считать вполне очевидную преемственность керамической традиции хоабиноидных памятников Южного Китая и первых земледельческих культур Pengtoushan и Bashidang. К сожалению, этого явно недостаточно для понимания механизма формирования последних. В то же время необходимо учитывать следующее обстоятельство.

В отложениях памятников с хоабиньским комплексом найдены различные виды растений, свидетельствующие об активном собирательстве диких растений — винограда, сливы, черемухи, орехов, корнеплодов и в том числе риса. При этом интересно, что все известные сегодня находки фитолитов и шелухи риса связаны преимущественно с памятниками, хотя и относящимися к хоабиньским по общему культурному облику, но территориально «выпадающими» из их общего кластера и расположенными уже на притоках Янцзы: Ючаньян, Сянрендон и Дяотунхуань (см. рис. 1). Возможно, с этим обстоятельством как-то коррелирует и тот факт, что керамические коллекции Ючаньяна и Сянрендона пока наиболее многочисленные из всех памятников Южного Китая.

Таким образом, все эти данные вполне позволяют рассматривать Ючаньян и Сянрендон в качестве комплексов, с одной стороны, связанных своим происхождением с пещерными стоянками Южного Китая, а с другой стороны, предшествующих первым земледельческим культурам р. Янцзы. Однако нельзя также не отметить, что если в материальной культуре преемственность между ними просматривается, то в том, что касается образа жизни (характера поселений, жилищ, хозяйства и т. п.), между этими комплексами лежит пропасть. Нельзя исключить, что в этом отношении на формирование земледельческих сообществ бассейна Янцзы могли повлиять их соседи из долины Хуанхэ.

В заключение данного раздела хотелось бы подчеркнуть, что сложение первых земледельческих культур Китая хронологически совпадает с повсеместным установлением в Восточной Азии, а также, по-видимому, и на всех сопредельных территориях агонеолитического комплекса и полным исчезновением так называемых переходных комплексов — микропластинчатых с инновациями, хоабиньских и т. п. При этом, как теперь оказывается, эти земледельческие культуры уже обладали почти всеми неолитическими достижениями, кроме domesticiрованных растений. Сравнивая эти достижения с завоеваниями агонеолита, можно отметить, что они во многом совпадают, исключение составляют, пожалуй, только размах поселений и степень оседлости культуры в целом. Преимущества агонеолитического комплекса начнут сказываться на развитии региона гораздо позже.

Общее и особенное

Сравнивая дальневосточный и хоабиньский варианты неолитизации, можно отметить, что, прежде всего, их объединяет общая направленность трансформации системы жизнеобеспечения и образа жизни в сторону постепенного освоения водных и растительных ресурсов, усиления оседлости и соответствующей смены мест поселения. В хоабиньской зоне эти перемены начались, по-видимому, раньше, что было обусловлено особенностями местной природно-климатической обстановки, причем они естественным образом вписались здесь в общий ход развития палеолитической культуры. В бассейне Японского моря эти перемены потребовали гораздо больше усилий, так как для этого людям пришлось ломать не только привычный палеолитический образ жизни, но и создавать новые средства труда.

Инвентарные комплексы дальневосточных и хоабиньских памятников имеют как общее, так и различное, их сопоставление наводит на интересные

размышления. Если сравнивать их технокомплексы, то в первую очередь необходимо отметить, что они вырастают из принципиально различных палеолитических индустрий: галечные комплексы хоабиня, восходящие глубоко к палеолиту и предполагающие минимальную обработку исходного сырья, лежащего прямо под ногами, и минимум заботы о получаемых результатах (Борисковский 1988; Solheim 1970: 149), с одной стороны, и высокотехнологичные микропластинчатые индустрии с высокими требованиями как к качеству сырья, так и к умению его обрабатывать, с другой. На исходе процесса неолитизации мы получаем на юге почти не изменившиеся индустрии хоабиньского типа, а на севере — принципиально новый технокомплекс, ставший со временем визитной карточкой неолита в целом. Интересно проследить, что же конкретно здесь изменилось.

Первое, что бросается в глаза, это сближение неолитических комплексов бассейна Японского моря с хоабиньскими с точки зрения отношения к сырью и камнеобработке. И осиповская, и протодземонская культуры демонстрируют отказ от жесткой сырьевой зависимости и быстро переориентируются на более доступное сырье, не требующее дальних экспедиций по его поиску, и более простые принципы расщепления камня. В этой вольности видится еще одна принципиальная технологическая новация надвигающейся эпохи неолита, важная с точки зрения становления нового образа жизни, ибо она обеспечивала человеку более широкие возможности для выбора мест поселения, в том числе и в связи с освоением новых ресурсов (Крупяно, Табарев 1996; Васильевский и др. 1997). Наиболее ярко эта тенденция выражена в материалах осиповской культуры, которая оказалась связана с районом, где выходы качественного сырья, пригодного для микропластинчатого расщепления, отсутствовали, и ее представителям пришлось переориентироваться на более доступное галечное сырье и искать более эффективные приемы его обработки (Шевкомуд, Яншина 2012).

Далее следует отметить, что сравниваемые памятники объединяет раннее появление каменных шлифованных орудий. В дальневосточных комплексах шлифовка представлена гораздо более ярко, она связана здесь с новыми категориями орудий — топорами и теслами, реже — со стрелами, которые имели устойчивую морфологию или тенденцию к ее появлению. Что касается хоабиньских комплексов, то здесь, если основываться на данных англоязычных публикаций, ситуация в центральном ареале их распространения и на юге Китая несколько различается. В классических хоабиньских памятниках на завершающих этапах развития, включая бакшонский, т. е. примерно 12–7 тыс. л. н., присутствие топоров с пришлифованными лезвиями обычное дело, и они здесь также имеют вполне узнаваемые формы (Борисковский 1966; Matthews 1966; Solheim 1970), тогда как в южно-китайских хоабиньских памятниках даже на заключительных этапах их существования, приходящихся на начало голоцена, шлифовка встречается спорадически (Zhao Chaohong et al 2004), связана она с лезвийной частью плохо оформленных в целом орудий, а настоящие морфологически устойчивые рубящие орудия со шлифовкой появляются только на рубеже раннего и среднего голоцена, тогда когда инвентарные комплексы этих памятников уже приобретают черты развитого неолита (рис. 5: 25–26).

Обусловлено ли раннее появление шлифовки в памятниках Восточной Азии сменой хозяйственного вектора развития? Применительно к материалам

дальневосточной зоны на этот вопрос можно ответить скорее положительно: расширявшиеся потребности в деревообрабатывающих инструментах требовали более эффективных приемов их изготовления, которыми и стали абразивные технологии, истоки которых здесь уходят еще в палеолит (Крупянка 1988; 1991; Кононенко 1994; Василевский 2008; Oda, Keally 1992). Что касается хоабиньских материалов, то тут ситуация пока неясная. Скоррелировать увеличение в комплексах топоров с шлифовкой с каким-то хозяйственными трансформациями сложно, поскольку собирательство растений и съедобных моллюсков, а также рыболовство отмечаются как основные источники пищи для местных популяций задолго до того момента, когда становится заметным данное изменение в орудийном наборе. К тому же в Южном Китае, который с точки зрения обеспечения и образа жизни, безусловно, является частью хоабиньской историко-культурной зоны, оно не фиксируется.

Еще один важный показатель сходства — керамическая посуда. Но есть ли какая-то закономерность в ее раннем появлении на востоке Азии, большой вопрос. Взаимную обусловленность возникновения керамики и шлифованных топоров, по-видимому, можно исключить. Что касается связи керамической посуды и новых форм жизнеобеспечения, то и здесь ответ будет, скорее, отрицательным. Оседлость сама по себе не влекла за собой потребность в керамических контейнерах, а лишь обеспечивала условия, необходимые (но не обязательные) для развития керамического производства. Доказательно же связать появление керамики с какими-то конкретными видами хозяйственной деятельности пока не удастся. Учитывая, что первая керамика оказалась одинаково связана с двумя очень различными с точки зрения климата и конкретных форм адаптации зонами, нельзя исключить, что в данном случае мы имеем дело просто с диффузией новых технологий. Нужно также подчеркнуть, что развитие керамической посуды в хоабиньской зоне шло гораздо медленнее, чем на севере, несмотря на то что здесь она могла появиться ранее всего. Количество керамических фрагментов в переходных комплексах Китая просто ничтожно мало по сравнению с тем, что фиксируется на островах Японского архипелага. Посуда здесь почти не менялась и технологически, и морфологически, и стилистически, тогда как на севере мы имеем постоянное обновление и большое разнообразие всего этого.

Итак, мы видим, что с точки зрения системы жизнеобеспечения, включая и стратегию добычи каменного сырья, и образ жизни, тяготеющий к оседлости, хоабиньские сообщества вступили на путь неолитизации гораздо раньше, чем дальневосточные, но в том, что касается материально-технического обеспечения, они явно уступали последним. На севере мы видим буквально революционные трансформации всего инвентарного комплекса и бурное развитие новаций с точки зрения количества, ассортимента, морфологии и т. п. Из числа новаций в этой сфере хоабиньские и дальневосточные памятники объединяет только раннее появление шлифовки и керамики, что объясняется, по-видимому, общностью путей развития двух сравниваемых регионов. При этом складывается впечатление, что в основе этой ковариации все-таки лежит южный импульс, идущий от юга Восточной Азии через Японские острова на север в зону микропластинчатых технологий.

И, наконец, нужно сказать, что с точки зрения модели неолитизации хоабиньские памятники близки к микропластинчатым комплексам с инновациями.

Они также представляют собой традицию, восходящую к местному палеолиту, и сохраняют в целом ее облик, обогащаясь при этом за счет ряда инноваций, но, как и в поздних микропластинчатых комплексах, эти инновации отмечаются здесь спорадически.

Заключение

Итак, что из всего этого следует?

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, — памятники, которые обычно обсуждаются в связи с проблемой неолита на востоке Азии, занимают в хроностратиграфической колонке региона промежуточное положение между палеолитом и неолитом в развитых его формах. Ранее в историографии все эти памятники обозначались как мезолитические, но сегодня этот подход окончательно отвергнут. Логика этого отказа точнее всего выражена в вопросе А. А. Василевского, можно ли выделять мезолитическую эпоху, если нельзя назвать ни одной новации, которая была бы характерна только для нее (2000). И это действительно одна из основных особенностей Восточной Азии: неолитические новации здесь вырастают непосредственно из палеолитического комплекса, без какой-либо промежуточной формы развития, как это было в некоторых других регионах Евразии.

Второе — начало неолитизации в Восточной Азии было обусловлено глобальным потеплением климата, сопровождавшимся существенным расширением потенциальной ресурсной базы человека. Это было время открывающихся возможностей. Поэтому основным содержанием этого процесса стало активное приспособление человека к меняющимся условиям жизни и освоение новых видов биоресурсов. В зависимости от конкретной природно-климатической обстановки ими стали растения, новые виды наземных животных, морские и пресноводные организмы. Думается, что аналогичные события происходили в период глобального потепления на рубеже плейстоцена и голоцена повсюду. Результатом стало формирование абсолютно новых форм жизнеобеспечения, которые типологически распадаются на два кластера. Один из них объединяет широкий спектр адаптаций, основанных на производящих отраслях хозяйства, второй связан с формированием новых форм присваивающей экономики.

Третье — складывание новых форм хозяйствования сопровождалось в Восточной Азии существенными переменами в образе жизни. Общей тенденцией стало усиление оседлости и как следствие появление долговременных поселений и новых типов жилищ. Наиболее ярко эта тенденция выражена в агронеолитических сообществах, а также в культурах с присваивающими формами хозяйства в наиболее богатых ресурсами районах. Тот же вектор изменений фиксируется и в других регионах Евразии при переходе от палеолита к неолиту, правда в разных ареалах для преодоления этого пути требовалось разное время.

Четвертое — складывание новых форм хозяйствования сопровождалось в Восточной Азии серьезными трансформациями орудийного комплекса, при этом здесь сразу сложился тот набор, который со временем стал определять лицо всего неолита Евразии: стрелы, топоры и тесла, рыболовные снасти, терочники. Важно, что набор этот был общим и для присваивающих, и для производящих экономик, хотя некоторые виды новых орудий могли быть в большей

степени связаны с аго- или агронеолитом. Аналогичные орудия появлялись при переходе от палеолита к неолиту и на остальных территориях Евразии в связи с освоением тех же биоресурсов и способов их добычи и разделки.

Пятое — неолитизация в материалах Восточной Азии предстает двухступенчатым процессом. Сначала здесь сложился агонеолитический комплекс, включивший в себя и новые категории орудий, и новые способы их изготовления, и керамику, и, по крайней мере, частичную оседлость, а спустя несколько тысяч лет — уже агронеолитический.

Шестое — складывание и того, и другого происходило латентно и заканчивалось их внезапным появлением в уже практически готовой форме, за этим следовал обязательный этап сосуществования новых и старых элементов. Особую форму перехода демонстрируют хоабиньские памятники. С одной стороны, здесь очень рано сложились условия жизни, благоприятные для перехода к агроэкономике, с другой стороны, обилие естественных ресурсов тормозило инновационную активность населения в сфере материально-технического обеспечения жизни.

Седьмое — процессу распространения неолитического комплекса в обеих его формах присуща одна важная закономерность. Соответствующие им инвентарные наборы или отдельные их составляющие перенимались быстро и повсеместно, в то время как заимствование системы обеспечения и образа жизни было ограничено культурными традициями и конкретными природно-климатическими обстоятельствами.

Теперь, исходя из этих позиций, вернемся к нашим основным вопросам. Есть ли основания для разведения агро- и агонеолитических комплексов в разные археологические и историко-культурные эпохи? Я склоняюсь к отрицательному ответу, и вот почему.

Содержательно процессы формирования и аго- и агронеолитических комплексов были едины и сводились к освоению новых способов жизнеобеспечения. Запущены они были одним и тем же природно-климатическим событием и оба стартовали в самом конце плейстоцена с одной и той же хронологической точки, отмеченной археологически появлением первых агонеолитических культур — протодземонской, осиповской и хоабиньской. Эти культуры стали своего рода локомотивами процесса неолитизации, который закончился в начале голоцена повсеместным установлением агонеолитического комплекса, с одной стороны, и сложением первых земледельческих культур, с другой. Последнее свидетельствует о том, что процесс формирования неолитического комплекса в двух его основных формах в Восточной Азии укладывается в рамки одного этапа. Этот этап в трудах дальневосточных ученых сегодня обозначают как ранний неолит, начальный неолит или переходный период. Далее уже начинается победное шествие неолита.

Неолитизация в материалах Восточной Азии предстает двухступенчатым процессом. Сначала здесь сложился агонеолитический комплекс, включивший в себя и новые категории орудий, и новые способы их изготовления, и керамику, и, по крайней мере, частичную оседлость, а спустя несколько тысяч лет — уже агронеолитический. Более того, развитие агонеолитических сообществ можно рассматривать как предпосылку, необходимую для формирования агронеолитических культур. Для доказательства этого положения

достаточно понять, что процесс доместикиции растений и животных, лежащий в основе формирования агрокомплекса, требовал хотя бы частичной оседлости, а она не могла быть обеспечена, если бы не были найдены возможности обеспечения пищей и другими средствами к существованию без постоянной смены места жительства. Такие возможности и были найдены формирующимися агонеолитическими культурами. Несколько открытий оказались наиболее ценными с этой точки зрения.

Одно из них связано с выработкой эффективных средств добычи мелкой дичи и рыбы, которые могли играть поначалу просто стабилизирующую роль в системе обеспечения, поскольку имелись в изобилии и повсюду. Второе — это открытие новых способов изготовления орудий труда, менее затратных и трудоемких, но более эффективных. В материалах дальневосточного региона произошло радикальное упрощение техники расщепления, позволившее резко снизить требования к качеству сырья и предоставившее человеку гораздо большую свободу с точки зрения выбора мест поселения, в том числе оказалось возможно селиться там, где было много биоресурсов, но мало качественного каменного сырья. Длительный опыт развития бифасиальных и абразивных технологий обработки камня оказался в данной ситуации как нельзя кстати. Они позволили выработать широкий спектр новых специализированных инструментов и обеспечить успешную адаптацию. Пока трудно сказать, какую роль в этом играла керамическая посуда. Важно подчеркнуть, что инвентарный набор, выработанный агонеолитическими сообществами, был полностью унаследован агронеолитическими культурами. Наверное, рассуждая далее в этом направлении, можно найти и иные достижения присваивающих сообществ, оказавшихся не только востребованными, но и жизненно необходимыми для становления агрокультур: новые типы жилищ, системы хранения и др.

Исходя из сказанного, становится очевидно, что оторвать агонеолит от агронеолита совершенно невозможно, в материалах Восточной Азии они предстают двумя хронологическими звеньями одного процесса, и лишь по мере территориального расширения зоны неолита по причине неодинаковости природно-климатических и ландшафтных условий они стали все больше и больше отрываться друг от друга и выглядеть как нечто разное. Складывается впечатление, что неолит северной полосы Евразии, который и было когда-то предложено считать агонеолитом в противовес агронеолиту, в действительности представляет собой как бы застывшую форму раннего этапа неолита.

Далее возникает вопрос о соотношении мезолита и агонеолита. Для ответа на него целесообразно сравнивать с мезолитом не поздние формы последнего, а обратиться к так называемому переходному периоду, когда шел процесс становления неолита. Именно в этой точке мезолит пересекается с неолитом. Выше уже отмечалось, что в дальневосточной историографии эпоху перехода от палеолита к неолиту называют по-другому ранним или начальным неолитом, а ранее ее обозначали как мезолит. Уже в этом видно, как в материалах Восточной Азии по мере расширения знаний мезолит превращается в ранний неолит. Если же мы сравним обе эти эпохи, то увидим их содержательное единство (трансформация культурного комплекса вследствие глобального потепления, освоение новых, причем одинаковых биоресурсов, появление сходного набора инструментов и др.), различаются же они только по форме (отсутствие

керамики, иные способы обработки камня). Таким образом, мы приходим к вопросу, достаточно ли отличий только в технологиях камнеобработки для отрыва мезолита от неолита и выделения его в особую археологическую или историко-культурную эпоху, или для этого нужны еще какие-то основания. Ответ на этот вопрос, однако, выходит за рамки данного сообщения.

Литература

- Боднев И. А.* 2001. Ранние керамические комплексы Японии // Кривошапкин А. И. (ред.). Исследования молодых ученых в области археологии и этнографии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 11–41.
- Борисковский П. И.* 1966. Первобытное прошлое Вьетнама. М.: Наука.
- Борисковский П. И.* 1988. Палеолит и мезолит Юго-Восточной Азии // Бродянский Д. Л. (ред.). Очерки тихоокеанской археологии. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 14–59.
- Василевский А. А.* 2000. К понятию «неолит» и его периодизации на о-ве Сахалин // Вострецов Ю. Е., Ключев Н. А. (ред.). Вперед... в прошлое: К 70-летию Ж. В. Андреевой. Владивосток: Дальнаука, 150–160.
- Василевский А. А.* 2003. Каменный век острова Сахалин: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск.
- Василевский А. А.* 2005. Поздний палеолит Сахалина. 33000–11000 л.н. // Ключев Н. А. (ред.). Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 87–115.
- Василевский А. А.* 2008. Каменный век острова Сахалин. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство.
- Васильевский Р. С., Гладышев С. А.* 1989. Верхний палеолит Южного Приморья. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР.
- Васильевский Р. С., Крупяно А. А., Табаров А. В.* 1997. Генезис неолита на юге Дальнего Востока России. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та.
- Ветров В. М.* 1981. Усть-Каренгский комплекс стоянок на Витиме // Коновалов П. Б. (ред.). Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск: Наука, 19–26.
- Ветров В. М.* 2010. Древнейшая керамика на Витиме. Некоторые вопросы датирования и периодизации в каменном веке Восточной Азии // Харинский А. В. (ред.). Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Мат-лы междунар. науч. конф. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского ун-та, 37–44.
- Гарковик А. В.* 2005. Некоторые особенности переходного периода от палеолита к неолиту // Ключев Н. А. (ред.). Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 116–131.
- Гарковик А. В., Кононенко Н. А.* 1990. Стоянка Устиновка-3 в Приморье (к проблеме развития пластинчатой традиции обработки камня) // Соловьев А. И. (ред.). Проблемы технологии древних производств. Новосибирск: ИИФФ СО РАН, 61–80.
- Деревянко А. П.* 2005. К вопросу о формировании пластинчатой индустрии и микроиндустрии на востоке Азии // АЭАЕ 4, 2–29.
- Деревянко А. П., Волков П. В., Ли Хонджон.* 1998. Селемджинская позднепалеолитическая культура. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Деревянко А. П., Зенин В. Н.* 1996. Палеолит Селемджи и проблема перехода к неолиту // Кононенко Н. А. (ред.). Поздний палеолит — ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. Владивосток: ИИАЭНДВ ДВО РАН, 78–82.

- Дьяков В. И.* 2000. Приморье в раннем голоцене (мезолитическое поселение Устиновка-4). Владивосток: Дальнаука.
- Икава-Смит Ф.* 2005. Жизнь на краю континента: Японский архипелаг в период 30 000–10 000 л. н. до н. э. // Горячев Н. А., Кокорев Е. М., Муморцев Ю. И. (ред.). Северная Пацифика — культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцена. Магадан: Изд-во Северного междунар. ун-та.
- Кононенко Н. А.* 1994. Докерамические и неолитические комплексы Приморья: некоторые аспекты формирования и развития // Андреева Ж. В. (ред.). Очерки первобытной археологии Дальнего Востока. Владивосток: Наука, 108–147.
- Кононенко Н. А.* 1996. Стоянка Устиновка 3 и проблема перехода от палеолита к неолиту в Приморье // Кононенко Н. А. (ред.). Поздний палеолит — ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. Владивосток: ИИАЭНДВ ДВО РАН, 117–136.
- Кононенко Н. А.* 2000. Функциональный аспект позднепалеолитической стоянки Устиновка-6 в Приморье // Вострецов Ю. Е., Ключев Н. А. (ред.). Вперед... в прошлое: К 70-летию Ж.В. Андреевой. Владивосток: Дальнаука, 211–230.
- Кононенко Н. А.* 2005. Динамика освоения юга Дальнего Востока России в конце плейстоцена // Ключев Н. А. (ред.). Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 59–85.
- Константинов М. В.* 1994. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита: Изд-во Читинского пед. ин-та.
- Крупянко А. А.* 1988. Артефакты со следами шлифовки из докерамического комплекса памятника Устиновка 4 (Приморье) // Кириллов И. И. (ред.). Проблемы археологии Северной Азии. Чита, 163–164.
- Крупянко А. А.* 1991. Использование абразивной техники на докерамических памятниках Приморья // Волков П. В. (ред.). Материальная культура и проблемы археологической реконструкции. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 52–57.
- Крупянко А. А.* 1996. Эксплуатация литоресурсов в палеоэкологической системе (поздний плейстоцен — ранний голоцен Восточного Приморья). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
- Крупянко А. А., Табарев А. В.* 1996. Сырьевая база каменной индустрии: комплекс археологических и геологических данных // Кононенко Н. А. (ред.). Поздний палеолит — ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. Владивосток: ИИАЭНДВ ДВО РАН, 149–151.
- Кузнецов А. М.* 1992. Поздний палеолит Приморья. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та.
- Медведев В. Е.* 1995. К проблеме начального и раннего неолита на Нижнем Амуре // Обзорение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 228–237.
- Медведев В. Е.* 2005. Неолитические культуры Нижнего Приамурья // Ключев Н. А. (ред.). Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 234–267.
- Окладников А. П.* 1977. Мезолит Дальнего Востока (докерамические памятники) // КСИА 149, 115–120.
- Окладников А. П., Деревянко А. П.* 1977. Громатухинская культура. Новосибирск: Наука.
- Охотники-собиратели бассейна Японского моря на рубеже плейстоцена и голоцена.* 2003. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.

- Попов А. Н. 2006. Средний неолит Приморья // Деревянко А. П., Молодин В. И. (ред.). Современные проблемы археологии России. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 302–304.
- Табарев А. В. 1990. Технология каменных индустрий докерамических комплексов Приморья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
- Табарев А. В. Освоение человеком тихоокеанских побережий на рубеже плейстоцена и голоцена. Дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2004.
- Табарев А. В. 2012. Дальневосточная альтернатива (Еще раз о путях и времени первоначального заселения американского континента) // РАЕ 2, 103–148.
- Хлобыстин Л. П. 1978. Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири // КСИА 153, 92–99.
- Шевкомуд И. Я. 2009. Средний неолит Нижнего Приамурья (общий обзор) // Бродянский Д. Л. (ред.). От Монголии до Приморья и Сахалина. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 17–41.
- Шевкомуд И. Я., Яншина О. В. 2010. Переход от палеолита к неолиту в Приамурье: обзор основных комплексов и некоторые проблемы // Клюев Н. А., Вострецов Ю. Е. (ред.). Приоткрывая завесу тысячелетий: К 80-летию Ж. В. Андреевой. Владивосток: Рея, 50–72.
- Яншина О. В. 2008. Переход от палеолита к неолиту в бассейне Японского моря: открытия, факты, гипотезы // Хлопачев Г. А. (ред.). Хронология, периодизация и кросс-культурные связи в каменном веке. Замятнинский сборник. СПб.: МАЭ РАН, 134–147.
- Aikens C. M., Higuchi T. 1982. Prehistory of Japan. New-York: Academic Press.
- Anderson A., Summerhayes G. 2008. Edge-Ground and Waisted Axes in the Western Pacific Islands: Implications for an Example from the Yaeyama Islands, Southernmost Japan // AsP 47, 45–58.
- Beginning of the Jomon Culture: what took place in 15 000 years ago? 2009. Tokyo: National Museum of Japanese History.
- Bettinger R. L., Barton L., Richerson P., Boyd R., Wang Hui, Choi Won. 2007. The transition to agriculture in northwestern China // Development in Quaternary Science 9, 83–101.
- Boaretto E., Xiaohong Wu, Jiarong Yuand, Bar-Yosef O., Vikki Chub, Yan Panc, Kexin Liuf, Coheng D., Tianlong Jiaoh, Shuicheng Lic, Haibin Gud, Goldbergi P., Weinerj S. 2009. Radiocarbon dating of charcoal and bone collagen associated with early pottery at Yuchanyan Cave, Hunan Province, China // PNAS 106, 9595–9600.
- Cohen D. J. 2011. The beginnings of agriculture in China: A Multiregional View // CAN 52 (suppl. 4): 273–293.
- Cohen D. J. 2003. Microblades, pottery, and the nature and chronology of the Paleolithic-Neolithic transition in China // TRA 24(1), 21–36.
- Fu Xianquo. 2002. The Dingsishan site and the Prehistory of Guangxi, South China // BIPPA 22(1), 63–71.
- Fuller D., Harvey E., Ling Qin. 2007. Presumed domestication? Evidence for wild rice cultivation and domestication in the fifth millennium BC of the Lower Yangtze region // Antiquity 81, 316–331.
- Ha Van Tan. 1997. The Hoabinian and before // BIPPA 16(3), 35–41.
- Junko Habu. 2004. Ancient Jomon of Japan. Cambridge: Cambridge University Press.
- Leping Jiang, Li Liu. 2006. New evidence for the origin of sedentism and rise domestication in Lower Yangzy river, China // Antiquity 80, 355–361.
- Kajiwara H. 1998. The transitional period of Pleistocene-Holocene in Siberia and the Russian Far East in terms of origin of pottery // Ono A. (ed.). Symposium on the

- comparative archaeology of the Pleistocene-Holocene transition. *Sakura: National Museum of Japanese History*, 23–31.
- Kaner S.* 2009. Long-term innovation: Appearance and spread of pottery in the Japanese Archipelago // *Jordan P., Zvelebil M. (eds.). Ceramics before Farming: The Dispersal of Pottery among Prehistoric Eurasian Hunter-Gatherers. Walnut Creek: Left Coast Press*, 93–120.
- Keally C. T., Taniguchi Y., Kuzmin Ya.* 2003. Understanding the Beginning of pottery technology in Japan and Neighboring East Asia // *TRA 24(2)*, 3–14.
- Kenrick D. M.* 1995. *Jomon of Japan: The World's Oldest Pottery.* London, New-York: Kegan Paul International.
- Kidder E.* 1993. The earliest society in Japan // *Brown D. (ed.). The Cambridge History of Japan. New-York: Cambridge University Press*, 48–107.
- Kimura H.* The Origin and Dispersal of the Microblade technique in Northern Asia // *Kimura H. (ed.). The Origin and Dispersal of Microblade Industry in Northern Eurasia. Sapporo: University of Sapporo Press*, 217–229.
- Kurishima Y.* 1995. Incipient Jomon of Japan. Unpublished manuscript.
- Lu Tracey L-D.* 2011. Early pottery in South China // *AsP 49*, 1–41.
- Matthews J. M.* 1966. A Review of the «Hoabinhian» in Indo-China // *AsP 9*, 86–95
- Mikoshiba Site: Excavation and Research at a Site Transitional from the Terminal Late Palaeolithic to the Incipient Jomon Period.* 2008. Nagano: Shinmai Shoseki Publishing.
- Mizoguchi K.* 2002. *An Archaeological History of Japan. 30,000 BC to 700 AD.* Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Odai Yamamoto 1 Site. Archaeological Research at the Odai Yamamoto 1 Site: Inquiry into the Question of the End of the Palaeolithic Culture and the Beginning of the Jomon Culture.* 1999. Tokyo: Kokugekuin University.
- Rowley-Conwy P.* 1984. Postglacial foraging and early farming economics in Japan and Korea: a West European perspectives // *WA 16*, 28–42.
- Sano K.* 2006. Emergence and mobility of microblade industries in the Japanese islands // *Kuzmin Ya., Keates S., Chen Shen (eds.). Origin and Spread of Microblade Technology in Northern Asia and North America. Burnaby: Archaeology Press, Simon Fraser University*, 79–90.
- Sato H., Tsutsumi T.* 2006. The Japanese microblade Industries: Technology, Raw Material, procurement, and adaptations // *Kuzmin Ya., Keates S., Chen Shen (eds.). Origin and Spread of Microblade Technology in Northern Asia and North America. Burnaby: Archaeology Press, Simon Fraser University*, 53–78.
- Solheim W. G.* 1970. Northern Thailand, Southeast Asia, and world prehistory // *AsP 13*, 145–162.
- Tongli Qu, Bar-Yosef O., Youping Wang, Xiaohong Wu.* 2013. The Chinese Upper Paleolithic: Geography, Chronology, and Techno-typology // *JAR 21*, 1–73.
- Pearson R. (ed.).* 1986. *Windows on the Japanese Past: Studies in Archaeology and Prehistory.* Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Xiaohong Wu, Zhang Chi, Goldberg P., Cohen D., Yan Pan, Trina Arpin, Bar-Yosef O.* 2012. Early pottery at 20,000 years ago in Xianrendong Cave, China // *Science 336*, 1696–1700.
- Xiaohong Wu, Zhao Chaohong.* 2003. Chronology of the transition from Paleolithic to Neolithic in China // *TRA 24(2)*, 15–20.
- Xingcan Chen.* 1998. Searching for the Neolithic in China // *DP XXV*, 17–26.
- Yasuda Y. (ed.).* 2002. *The Origin of Pottery and Agriculture.* New Delhi: Roli Books.
- Yuan Jing, Flad R., Luo Yunbing.* 2008. Meat acquisition patterns in the Neolithic Yangzi river valley, China // *Antiquity 82*, 351–366.

- Yuan Sixun, Guoxing Zhuo, Zhiyu Guo, Zimo Zhang, Shijun Gao, Kun Li, Jiangjun Wang, Kexing Liu, Bin Li, Xiangyang Lu.* 1995. 14C AMS Dating the transition from Paleolithic to the Neolithic in South China // *Radiocarbon* 37, 245–249.
- Zengpiyan* — a Prehistoric Site in Guilin. 2003. Beijing: The Cultural Relics Publishing House.
- Zhang Chi.* 2002. The discovery of early pottery in China // DP XXIX, 29–35.
- Zhang Feng.* 2000. The Mezolithic in South China // DP XXVII, 225–231.
- Zhao Chaohong, Xiaohong Wu.* 2000. The dating of Chinese Early Pottery and a Discussion some related problems // DP XXVII, 233–239.
- Zhao Chaohong, Xiaohong Wu, Tao Wang, Xuemei Yuan.* 2004. Early polished stone tools in Southern China evidence of the transition from Paleolithic to Neolithic // DP XXXI, 131–137.
- Zhao Chaohong.* 1998. New achievements in the study on the transitional period from Paleolithic to the Neolithic in China // DP XXV, 27–36.
- Zhang Chi, Hsiao-Chun Hung.* 2008. The Neolithic of Southern China — Origin, Development, and Dispersal // *AsP* 47, 299–329.
- Zhao Zhujun.* 2011. New Archaeobotanic Data for the Study of the Origins of Agriculture in China // *CAn* 52, 295–306.